

Хань Цзюнь взглянул на маленькую птичку, которая смотрела на него с настороженностью, и его настроение немного улучшилось.

— Сяогуан, раньше я не замечал, но теперь мне кажется, что эта малышка чем-то похожа на тебя.

С улыбкой Хань Цзюнь поддразнил Чжао Хунгуана, который вчера вечером вёл себя слишком эмоционально. Ещё чуть-чуть, и Хань Цзюнь мог бы подумать, что его собираются изнасиловать. Он даже задумался, в какой позе ему лучше принять первый раз. В конце концов, он чувствовал себя виноватым перед ним...

— М-м!

При упоминании вчерашнего вечера, который был ещё более смущающим, чем лихорадка слияния, лицо Чжао Хунгуана мгновенно покраснело. Его взгляд блуждал, и он долго не решался смотреть на Хань Цзюня.

— Хе-хе, ты всё же лучше этой птички, по крайней мере, ты ещё умеешь стесняться.

Хань Цзюнь сел, приподнял халат, обнажив бедро, и начал снижать свой ментальный барьер. Ему нужно было усилить свои чувства, чтобы вернуть трекер на место.

Увидев, как Хань Цзюнь аккуратно вскрывает рану коротким клинком, Чжао Хунгуан быстро понял свою задачу. Хотя Хань Цзюнь не просил о помощи, как его совместимый Проводник, он тут же развернул часть своих ментальных щупалец, создав внешний барьер, чтобы защитить Хань Цзюня от возможных внешних воздействий. Одновременно, чтобы усилить его пять чувств, Чжао Хунгуан направил другую часть щупалец в ментальное море Хань Цзюня, мягко усиливая его восприятие.

Благодаря помощи Чжао Хунгуана Хань Цзюнь быстро вернул трекер на место, но рана на его бедре снова начала кровоточить.

Увидев, как Чжао Хунгуан смотрит на рану с жалостью, Хань Цзюнь лишь улыбнулся и, оторвав кусок салфетки, прижал её к ране:

— Сяогуан, не волнуйся, это всего лишь маленькая царапина. Тебе даже не нужно было открывать для меня защитный барьер, я сам справлюсь.

— Лучше быть осторожнее.

Чжао Хунгуан уже забыл о просьбе Хань Цзюня и то и дело называл его дядей, что звучало естественно и тепло.

— Если из Чёрной Башни придут проверять, я скажу, что случайно задел рану, и она начала кровоточить. Думаю, это сойдёт.

Хань Цзюнь знал, что рано или поздно Чжао Хунгуан всё узнает, ведь они уже установили ментальную связь. Но он надеялся, что с Чёрной Башней ещё можно как-то совладать.

— Но как можно случайно задеть такое место?

Чжао Хунгуан задумался, не понимая, как можно случайно травмировать столь интимную область.

Услышав это, Хань Цзюнь с улыбкой посмотрел на него:

— Сяогун, иногда я не могу понять, ты действительно такой невинный или просто притворяешься. Вчера вечером ты, кажется, многое понимал.

Чжао Хунгуан понял, что Хань Цзюнь снова подшучивает над ним, но он действительно вчера потерял контроль и признался ему в любви. В мире носителей способностей, когда Проводник говорит Стражу: «Я хочу полностью с тобой совместиться», это означает признание в любви.

Хань Цзюнь знал это, и Чжао Хунгуан тоже понимал.

— Дядя, ты можешь смеяться надо мной, но то, что я сказал тебе вчера, не было шуткой. Я хочу, чтобы ты серьёзно подумал о том, чтобы полностью совместиться со мной, и телом, и духом, когда закончится год моего опекуства. Я действительно хочу стать твоим совместимым Проводником.

После краткого стеснения Чжао Хунгуан снова смело посмотрел в глаза Хань Цзюню. Бегство никогда не было решением проблемы.

Хань Цзюнь, который хотел лишь немного подразнить Чжао Хунгуана, не ожидал, что тот воспользуется моментом, чтобы предложить полное совмещение. Он даже пожалел, что начал эту игру. Оказывается, чувства Чжао Хунгуана к нему были ещё глубже, чем он думал.

— Сяогун, я не могу позволить тебе стать моим совместимым Проводником...

Хань Цзюнь задумчиво посмотрел на Чжао Хунгуана. Пока он не выяснит правду о той трагедии и судьбу Вэй Чэня, у него не будет времени на нового возлюбленного. К тому же, видение в Чёрной Башне заставило его быть осторожным, чтобы не навлечь беду на Чжао Хунгуана.

— Почему?! Потому что я недостаточно хорош? Или ты всё ещё не можешь забыть Вэй Чэня и

не хочешь, чтобы кто-то занял его место? Я знаю, что сейчас я во многом уступаю ему. Мои способности Проводника ещё несовершенны, мой характер не такой мягкий, и даже... моя попа не такая округлая. Но, пожалуйста, поверь мне, я буду стараться стать достойным тебя Проводником!

Ответ Хань Цзюня стал для Чжао Хунгуана ударом. Даже если он был готов к отказу, ему было трудно принять его так прямо.

Для Чжао Хунгуана спасение Хань Цзюня из Чёрной Башни было лишь первым шагом. Чтобы по-настоящему спасти его, нужно было полностью совместиться, чтобы их ментальные моря достигли идеальной гармонии, принесся Хань Цзюню настоящий покой.

Хань Цзюнь мельком взглянул на попу Чжао Хунгуана. Действительно, она была куда менее выразительной.

— Сяогуан, ты уже очень хорош, и я благодарен, что ты выбрал меня своим Стражем. Но я не хочу причинять тебе неприятности. Помнишь, когда я увидел тебя в Чёрной Башне, меня охватило беспокойство? Это было видение. Я увидел, как пронзаю твою грудь боевым клинком. Возможно, именно так я убил Вэй Чэня.

Хань Цзюнь опустил голову, сцепив руки. Чувство вины и тревоги заставило его сказать правду.

— Ты не будешь счастлив со мной, более того, ты можешь погибнуть. Я не могу тебя губить, понимаешь?

Хань Цзюнь не мог причинить боль Чжао Хунгуану. Лучше отказать ему под этим предлогом, чем сказать, что он всё ещё не может забыть Вэй Чэня.

— Я выбрал службу в Тауэр-зоне и совмещение с таким Стражем, как ты, зная о рисках. Я тоже воин, дядя. Я буду защищать Тауэр-зону и тебя своим способом. А будет ли мне счастливо с тобой — как узнать, если не попробовать?

Чжао Хунгуан подошёл к Хань Цзюню, поднял его опущенную голову и, посмотрев ему в глаза, снова поцеловал.

Лихорадка слияния возникает из-за физиологических потребностей носителей способностей, но психологические потребности — тоже мощный источник желания.

Хотя ингибиторы в теле Чжао Хунгуана всё ещё действовали, предотвращая повторную лихорадку, его пылкая и постоянная любовь в этот дождливый вечер всё же разожгла разум Хань Цзюня, растворив одиночество, скрытое в его крови, и осветив тьму в глубине его ментального моря.

Хань Цзюнь знал, что Чжао Хунгуан — девственник. Ему не нужно было спрашивать, он видел это своими острыми глазами.

Несмотря на то, что Чжао Хунгуан только что был столь уверен, теперь он напрягся, словно деревянный манекен. Хань Цзюнь даже начал беспокоиться, не сломает ли он ему ноги по неосторожности.

— Не бойся, Сяогуан.

Хань Цзюнь осторожно приподнял одну из ног Чжао Хунгуана, которая была напряжена до предела, и, успокаивая его, начал нежно целовать.

Поцелуи Хань Цзюня подарили Чжао Хунгуану невиданное ранее чувство безопасности и удовлетворения. Он почти бессознательно обнял Хань Цзюня, отвечая на его поцелуй.

<http://bllate.org/book/15254/1345190>